

Амиргулова Валентина

СВЕТЛЫЙ КНЯЖИЧ АЛЕКСАНДР

(Повесть о юности Александра Невского)

Рассветало. Серебристо - розовый свет вползал в слюдяные окошки княжеского терема. Но в его опочивальнях было совсем тихо. И вдруг у самого окошка голосисто пропел петух.

Первым пробудился младший сын князя Ярослава Всеволодовича Александр, розовощекий, русоволосый княжич.

Он приподнялся с постели, оправил свою полотняную рубашку, босыми ногами стал на пол, в полутьме подошел к красному углу, где висела икона Спасителя, и, как учила няня, медленно, старательно перекрестился, чтобы Господь благословил день. Со своей постели подняла взлохмаченную голову нянька, поерзала и тоже привстала, накинув на плечи шаль, окликнула княжича:

- Соколик, что ж так рано зорюешь, солнышко-то спит еще.

- Я видел солнышко во сне!- звонким радостным голосом воскликнул Александр.

- Так, дитятко, так, медовое, денек-то у тебя какой, праздничный, вот и солнышко тебе промыло глазки.

Нянюшка вдруг горестно всплеснула руками:

- Расстанемся с тобой, Александрюшка. И не будет у тебя больше нянюшки, - заканючила жалостливо,- как же мне скучно без тебя будет, дитяточка, как неласково без тебя будет, княжич дорогой.

Нянюшка смахнула слезу с глаз. Ей и вправду было жалко расставаться с княжичем, полюбила она дорогого дитятку всей душой, привязалась к ласковому мальцу всем сердцем. За своего почитала. И он тоже любил добрую нянюшку, которая знала столько сказок, колыбельных. Но теперь малец не пожелал приласкаться к няне:

- Я большой, - твердо, подстраиваясь под взрослый тон, произнес княжич.

- А ты не забудешь меня, дитятко? Много песен я тебе пропела, много слов пересказала.

- Колыбельные маленьким поют, а я буду воином, как Илья Муромец.

- Ты будешь князем удалым, храбрым.

- Мне батюшка меч подарит. Я тебя, нянюшка, защищать буду.

- Так, родимый, так, соколик! А день-то какой ныне! Постриг княжича! – радостно воскликнула нянюшка и вдруг заревела, будто навек расставалась с дорогим дитяточкой.

* * *

На княжеский двор вышло все семейство князя. Челядь стояла в стороне, а бояре близко

к Ярославу Всеволодовичу. Красна была одежда у князя и княжича. У отца длинный кафтан был зеленый, перехваченный золотым поясом, а у сына - красный

кафтанчик. У отца мантия была как серебром залита, а у сына - из золотой ткани - в разводах и узорах. У князя был алый красный воротник и поручи с золотой обшивкой, у княжича воротник был малиновый.

И княгиня стояла в дорогом праздничном платье из тафты с парчовыми оплечьями, в кокошнике, расшитом серебром и жемчугом. Солнышко играло в украшениях. Княжич засмотрелся на дорогую матушку. Какая она была красивая, и как бы чужая стояла рядом с ним. И глаза ее, чуть прищуренные, из которых выплескивалась радость, не манили сына, а как бы успокаивали.

- Ты стал теперь большой княжич,- сказала матушка ласково. От этих ее слов грустью повеяло. И отец смотрел на сына ласково, но спросил как бы строго:

- Знаешь ли ты, сын мой, Александр, что за дело сегодня мы собираемся вершить?

- Постриг будет,- серьезно ответил малец. И так у него это получилось значительно, что невольно улыбнулся дядька, нянюшка, бояре.

Князь довольно кивнул головой:

- Вырос ты теперь, Александр, и не нужны тебе теперь няньки, мамки. Будешь ты теперь в мужа расти, чтоб достойным стать своих предков.

Князь обернулся к боярам и уже говорил больше им с той же суровостью и торжественностью:

- Андрей Юрьевич Боголюбский, брат нашего деда, был великий князь из князей суздальских. Под его наказ шли и киевские, и новгородские, и ростовские, и суздальские и владимирские, все князья смоленские, полоцкие и волынские. А твой дед, княжич, Всеволод Юрьевич - Большое Гнездо, собрал в кулак Север Руси. И Ольга, и Святослав, и Владимир, и Ярослав Мудрый. И Всеволод, и Владимир Мономах, и Юрий Долгорукий - все с юных лет были защитниками слабых и сирот, и служили Руси и Христу. И по матери у тебя, Александр, - светлая линия. Князь Мстислав Мстиславович - доблестный был князь. Он и отец его стали схимниками. Вся земля русская низко кланяется им.

Александр слушал отца с замершим сердцем. Не раз князь ведал сыну много чудных историй о его славных предках. А сейчас он просто напомнил о них, но с таким чувством, что княжичу показалось, что все сии великие мужи стоят перед ним и взирают с радостью и надеждой.

Вот так диво! Всем оказаться вдруг вместе!

Бояре слушали князя. Почтительно склонив головы. Всю родню князя чтили и они. Не было среди бояр и воевод человека, кто усомнился бы в том, что у князя - самый славный на Руси род.

Глубоки корни древа княжьего. Крепки его поросли. Сила Руси всегда будет в крепких границах, ослабеют они - княжья слава пойдет в поруганье.

Князь взглянул на княгиню, и глаза его потеплели. Никто не понимал его лучше ее. Каждое словечко мужа она принимала глубоко в любящее сердце. Знала она, что князь не кичится славой предков достохвальной, а опасается, чтоб свет их доблести не угас от небрежения, чтобы русичи всегда чтили их за великих мужей Руси. Только разве люди славу доблестную укрепляют? Ее воздвигает Господь. Это Он хранит все дела великие, помышления и стремления тех, кто о славе Небесной печется.

Подарила княгиня князю тот взгляд, в коем и почтение великое, и смирение пред своим владыкою, и любовь тихая, кою негоже перед людьми выказывать. И поспешно отвела она взгляд свой на княжича. Кто скажет, что малютка их сейчас немного пошалил? Вот стоял он, голубок благоверный, тихим, но не робким взглядом смотрел на всех. Дитя

княжье, отпрыск славных отцов! Только мать могла уловить его скрытую боязнь, что трепетала в сердце княжича. Но вот он взглянул на бояр, как их будущий владыка. А готовы ли они склонить голову перед ним?

Княгиня подарила сыну свой ласковый взгляд, чтоб смягчить суровость отца. Сынок еще не привык к обрядам строгим, княжичьим. Будет время, и созреет в нем твердый ствол мужества, но до того ослабу давать, потакать мальцу даже мать не будет.

А нянюшка смотрела из-за угла на Александра и горькие слезы проливали:

- Кто же будет тебе, ясный голубь, песни ласковые петь? Кто будет заботой беречь? Дядьки, наставники будут своей строгостью, как крапивой стрекать.

Полюбила нянька княжича пуще сына родного. Уж умен он и разумен не по годам. Рядом с ним она и свет белый больше полюбила, и радоваться научилась и весне, и заре, и птахе малой, букашке. Вот что значит сила души ангельской, чистой, лучезарной! Но вот и упорхнул сизый голубь из объятий няни. Кто теперь осушит ее слезы горючие?

Князь взял сына за руку и повел в храм. Следом, чуть отстав, направилась княгиня. Так торжественно и значительно шло семейство, что затихла толпа на улице. Княжича ведут на постриг!

Как красив малец, и ведь стать-то княжескую сразу узнаешь.

Толпа была, словно замороженная. Малого княжича обручали народу. Князь Ярослав был в силе. Его считали все строгим и справедливым. А сынок его меньший шел в след за отцом в храм, и незримая слава будто уже осеняла каждый его шаг. Что за чудо такое? Но это ощущали все в толпе. Богом данный ребенок. И склоняли люди перед ним головы, мнилось им теперь так явственно, что Александр будет крепким правителем, всей душой он станет любить Русь.

И что за диво! Робость, страх у мальчика как рукой сняло. Шел он смелой поступью рядом с отцом. А толпа вокруг, как великая река, расступалась перед ним, и поток ее увлекал князя и его наследника вперед. И если при первых шагах княжич боялся, что споткнется, собьется с шагу, то теперь он не шел, а как бы плыл. И отец его, могучий князь, крепко держал руку сына в своей руке, его лодочку направлял вперед. И матушка теплотой своей любви как бы окутывала княжича.

И вдруг солнце прорвалось сквозь серебро туч и засияло так ярко, что Александр неожиданно засмеялся. И заулыбались вслед за ним все в толпе:

- Солнышко, солнышко наше,- зашептали все вокруг.

Встрепенулся княжич, вспомнив свое ночное видение. В нем так же солнце встречало его на пороге храма, также сильно его обдало какой-то новой радостью, той самой, что бодрит и защитой окружает.

И у княгини вспыхнула в сердце радость обновления, обдало предчувствием, что велик сей день, когда княжич, ее сын, станет у дверей алтаря. Ей ведь тоже ночью приснилась дорога в храм, залитая солнцем...

Задумчив, тих был князь в храме. Кому, как не ему знать, как труден путь к княжьей чести. На нем споткнуться нельзя и упасть не дозволено. На сей дороге сражение идет каждый день, и за жизнь, и за смерть, и нельзя остановиться и сойти с пути.

А княжич заморожено глядел на епископа в золотом облачении, и в солнечном освещении фигура его была сияющей. Юное сердечко вмиг пронзило неизведанное им доселе ощущение полета. Александр будто взлетел на авмвон, вручил свою руку епископу. А потом, очутившись у царских врат, оробел, увидев так близко большие иконы. Малец будто впервые узрел эти божественные лики. Он удивился, что так легко

мог приблизиться к ним. Ему показалось, что Архангел с лилиями взглянул на него ободряюще. Большие пронизывающие глаза чудного вестника как бы видели и что-то за спиной Александра. Да этот Архангел живой! Он все ведает, Он все знает, И Он очень сильный, сильнее всех, кто стоял в храме, сильнее всех князей. И он может дать силу другим, но только на доброе. Александр ощутил вдруг эту силу, которую он сможет получить за добро. Ах, как жаль, что нельзя спросить сейчас у батюшки, что за могучий Вестник перед ним.

- Ты боишься?- спросил епископ княжича. И глаза у этого старого служителя храма были такие же добрые, как и у отца.

- Я ничего не боюсь,- сказал Александр, и как бы воодушевился своей храбростью. А всех сейчас как бы отстранило орт него. И матушку с ее тревогой и лаской. И батюшку со строгой настойчивой поддержкой, и всех людей с их тревогой и ожиданием.

Княжич снова был перед Архангелом и очень хотел понять, что хотел сказать ему этот чудный Вестник. Мальчик стоял, словно замороженный у царских ворот. А когда епископ читал молитву над ним, Александру показалось, что молитву вещает сам Архангел. Александр очнулся, когда епископ выстригал ему волосы. Мальчик увидел в глазах епископа слезы и не удивился этому, в пору самому бы расплакаться. И заплакал бы, если б рядом не стоял отец. Епископ отдал князю пучок выстриженных волос сына. Все, кто был в храме в этот момент, опустили на колени, и заплакали, и зарыдали в разных уголках церкви. К алтарю подошел княжий сын, отошел от алтарных дверей будущий князь. Осенен он был новой силой, неизведанной, незримой. Светлый дух защитным покровом осенял ребенка.

Княжича у храма поджидал белый конь. Его светлая грива серебряным потоком обмывала холку. Александр еще не видел такого красивого коня, белого-белого. Этот сказочный скакун был весь словно соткан из света. Княжич глянул на матушку, очутившуюся совсем рядом, вопросительно. Она ответила на его безмолвный вопрос.

- Это твой теперь будет конь.

А отец добавил:

- Этот скакун носится, как ветер, но понимает хозяина. Ты не бойся его, он теперь будет твой друг.

А княжичу теперь ничего не было страшно. Он легко и уверенно будто взлетел на коня, на которого посадил его князь. И перед мальчиком была толпа, а внизу батюшка с матушкой. Сыну были видны косы милой матушки, спрятанные под убор. А его светлые власы там, в храме были срезаны то ли епископом, то ли Архангелом.

Рука отца крепко держала узду коня. К князю подошел дюжий молодец. Ярослав отдал ему узду и поклонился:

- Будь теперь ты воспитателем моего сына Александра, Федор Данилович, ныне постриженного княжича

- Благодарю, князь, за доверие и честь.

-Обучай его делу ратному, делу князьему. Пусть Александр будет достойным преемником славы отцов. И пусть он будет смиренным воином Христовым. Пусть станет славным сыном Руси. Ну, а ты, сын мой княжий, будь всегда смел и крепок, и на земле, и в седле. Дал отец сыну колчан со стрелами.

- Знаешь, Александр, зачем этот мой подарок?

- Буду защищать Русь от врагов,- звонко воскликнул княжич.

Завопила толпа от радости:

- Есть защитник у нас!

Голос мальчика люди восприняли, как глас небесный. Есть защитник народный, есть утешитель. Пусть он мал еще, не держит узду у коня, но возрастит вовремя матушка Русь своего богатыря.

- Приглашаю на пир воевод и бояр, - крикнул князь. – А народ употчевать в честь пострига княжича Руси.

Полно было в сенях княжеских хором дорогих гостей, знатных людей, восседающих за столами, чтобы светлый пир вершить. А за столом, на возвышении - княжеская чета. И взоры всех - на нее. А доволен ли князь своими подданными? Иль что-то ему не любо? Все готовы были здесь потешить Ярослава Всеволодовича и его супружницу. Князь оглядывал гостей милостливо. Благодарен он им был за службу и дружбу. Много было тех, кто льнул к княжьему престолу. А ну как зашатается престол, многие ли отвернутся от князя, забудут, как братчину заодно пили, как доходами волостей от своего господина питались? Хорошо на пиру здравицы князю славословить. А в ратном бою кто заслонить от удара меча своим телом. А в покое и тишине кто готов уличить изменника и предателя? Не только преданности искал в своих сподвижниках. Но и жаждал найти понимания и признания избранности его великого рода, из которого Ольга и Владимир, что крестили Русь. Такой род не может дать негодный плод. Ярослав нигде это не забывал, а в трудные минуты его доблестные предки как бы воскресали и становились рядом с ним. И их мудрость была уже его мудростью. А их крепость укрепляла и его. Но разве в том были их затеи и великие дела, чтобы кичиться своим родом? Русь была и правдой, и смыслом их жизни. Как хотелось князю, чтобы поняли это все родичи ближние. Готов он был и на пиру втолковывать это знатым гостям. Нет, не затуманились от вина глаза князя. А сияющие глаза княгини ласково смотрели на всех из-за выписанных дуг бровей. И успевала она следить, чтобы медовые, хмельные напитки, заморские вина, квас малиновый не опустошались в кувшинах и сосудах, чтобы чарки наполнились у всех, чтобы мясо, рыба, дичина не исчезали со столов, но чтобы блюда опустошались, а уха дымилась. А пироги, брусничные, вишневые, капустные ароматами пьянили бы всех гостей.

И пир гудел, веселился. Плясуны вытанцовывали под звуки домбры и балалайки, скоморохи гудели в гудки и сопели.

Княгиню сейчас заботило больше благочиние за столом, чтобы никто не был обижен меньшим местом и вниманием, чтобы вовремя сменялись блюда и наполнялись чары.

Гости пели, ели, веселились, славословили князя и княгинюшку. И ждали главного момента – одаривания. Дорогими ли будут нынче подарки? Не поскупится ли князь?

Александр - его любимое чадо. Подарки будут неравноценными, как неравны и гости, хотя все- приближенные к княжеской семье. А все ж – одни - ближе, а другие дальше. И как легко тут всех перессорить, разделить, заронить зерно обиды.

Но не жалко князю подарков для родичей и сподвижников. Пусть запомнится этот веселый день пострига Александра.

Как прознал князь, что дорого каждому из гостей, что желается братьям, племянникам, двоюродным, тетушкам, боярам воеводам. Всех обрадовал Ярослав Всеволодович, всех ублажил конями, золотыми и серебряными сосудами, невиданной одеждой златотканой. Вот так радость для всех, вот утеха!

Только княжич сидел за столом рядом с дядькой, будто отстраненный от общей радости. Разрешили ему присутствовать здесь, словно взрослому. Но не заходило к нему в сердце общее веселие. Своя у него была утеха, неведомая никому, радость от Архангельского общения, что изведаль он в церкви. Радость пира хмельного могла только обокрасть эту утеху. И не так радовал подарок отца - лук и стрелы, как то дорогое воспоминание, которое наполнило его сердце новой радостью, новым весельем и отрадой. Потянет ли его к игрушкам и прежним забавам?

- Ты запомни этот день, княжич,- говорил Александру дядька,- день сей и летописцы будут описывать, и все гости будут вспоминать долго-долго.

Ох, как ликовало сердечко княжича! Как оно уже любило своего дядьку! Как жалело нянюшку! Как радовалось за всех слуг, плясунов, музыкантов! Много подарков отец раздарил, а княжич еще больше бы всем отдал. А ведь и вправду день-то оказался подарочным!

* * *

Вышел княжич во двор. Поклонились ему дворовые люди. Подошел князь, задумчиво посмотрел на сына. Княгиня рядом стояла, улыбалась. Глаза ее лучились лаской и покоем. Так и хотелось Александру броситься к матушке, прижаться к ней. Нет, не смел он при отце. Глаза у князя были строгие, то холодом обдавали, то как в зимний день солнышком проглядывали.

- Ну, сын, ты теперь у нас взрослый. И какое теперь у тебя должно быть дело?

Александр стоял, запрокинув голову на родителей. Раньше и батюшка, и матушка склонялись к нему, а теперь стояли ровно. Матушка не решалась даже руку протянуть к своему чаду.

- Так какое же теперь у тебя будет дело? – опять спросил отец строго.

Княжич молча смотрел то на матушку, то на батюшку. Да он теперь после пострига уже не малец, но ему еще расти и расти. Даже брата Федора он не скоро догонит.

Дядька рядом стоял, улыбаясь княжичу, широкоплечий, здоровенный детина с пушистой бородой.

- Видишь, сынок, какие у меня сильные дружинники?- кивнул на дядьку отец.- Хочешь быть таким же сильным, смелым и умелым?

- А мне Федор отдал свой меч из липы, - тихонько сказал Александр, робко взглянув на отца. Можно ли принять такой братский подарок?

Отец скупно улыбнулся:

- Ну, как, тяжело тебе носить этот меч?

- Я им научился траву сбивать.

- Нужно тебе научиться крепко меч в руках держать. Как освоишь липовый, подарю тебе дубовый.

Оглянулся князь назад, подошел к нему дворовый с поклоном, подал детский лук и налучник с маленькими стрелами.

- Ну-ка, сынок, натяни тетиву,- попросил князь,- попробуй, попади вон в тот столбик.

Мальчик достал стрелу из налучника, долго возился с тетивой, подтягивал, натягивал. В первый раз в его руках оказался лук. Не учил его никто заправлять стрелу, но

удалось ему натянуть тетиву. Полетела стрела с гусиным оперением и не долетела до столба.

- Не беда, сынок, будешь стрелы теперь каждый день пускать. Вот и Данилыч, и Никитич тебе помогут. Сами они ох как ловко на лету сбивают быстрых птиц.

Никитич, добрый молодец, подошел, поклонился князю, княгине, а потом и мальчику.

- Доверяю тебе, Никитич, дело важное. Князь должен стрелять лучше всех в дружине. Учи княжича!

Посмотрел Александр на богатыря, что был на голову выше князя, и нырнул за подол матушки.

- Что это ты, сынок, - ласково укорила она его. – Разве можно княжичу быть пугливым?

- А я не боюсь, я только птиц сбивать не умею.

Александр снова вышел вперед.

- Птиц научишься сбивать скоренько,- заверил Никитич. – Птахи сами летят на стрелу хорошему стрелку, а у тебя руки малые, а уже крепкие.

Отец кивнул одобрительно;

- Никитич нашего Феодора учил и тебя научит.

Никитич весело обратился к Александру:

- Будешь, княжич, с Феодором тягаться?

Александр задумался - Феодор же - старший брат. А князь уверил дружинника:

- Научишь и другого сына ладно стрелять, одарю тебя милостливо.

- Я хочу стрелять из большого лука,- осмелел наконец княжич.

Никитич с улыбкой покачал головой:

- Большой лук твои руки сейчас не осият. Будем каждый день стрелять, тогда и научишься, крепостью нальешься.

Князь кивнул головой, положил руку на плечо сыну:

- Ну, а на коне скакать учить тебя будет Юрьевич.

Статный, голубоглазый молодец сделал шаг к князю.

- Научи княжича ездить на боевом коне, а пока пусть поедит на смирном.

- Воронок у нас хорошо держит седока, - с готовностью ответил Юрьевич.

- Ты уж лучше следи, чтоб не выскочил княжич из седла, - попросила княгиня.

- Не извольте тревожиться, буду смотреть лучше, чем за сыном родным,- заверил Юрьевич.

- На коне я могу скакать,- храбро заявил Александр.

- А с сулицей умеешь?- улыбнулся Юрьевич.

- Нет, с сулицей не умею,- вздохнул почти по-взрослому княжич.

- Привезти коня!- крикнул князь.

Из-за ворот вывели гнедого Воронка.

- Это очень хороший конь, боевой,- пояснил Юрьевич.

В глазах княгини отразилось испуганное недоумение, но она даже бровью не повела. При князе она всегда прятала свои страхи и опасения. И крепко понимала: женское воспитание даже у малыша может погубить силу, так необходимую дружиннику, князю.

Отец поднял княжича и легко посадил его в седло. Александр крепко ухватился за уздечку, прямо-таки вцепился в нее. Юрьевич с другой стороны придерживал коня.

Князь погладил морду Воронка и как бы обратился к нему:

- Я хочу, чтоб мой сын держался хорошо в седле над землей, также крепко, как на земле.

- Через несколько лет он будет усмирять необъезженных трехлеток,- заверил Юрьевич.

Князь кивнул и обратился к сыну:

- Александр, Юрьевич доверил тебе самого лучшего коня, боевого. Не боишься ли ты сидеть на нем?

Княжич хотел сказать, что рядом с батюшкой он ничего не боится, но не решился, а только звонко объявил:

- Нет, я не боюсь.

- Вот и славно, это главное. А тот белый конь, на котором ты воссел при постриге, будет твой конь при парадных выездах.

Князь кивнул Юрьевичу. Тот обратился к княжичу:

- Ну, Александр, держи уздечку крепче. Пошел, Воронок.

Юрьевич отошел в сторону, а конь тронулся вперед. Княгиня не выдержала, подалась в сторону сына. Князь строго взглянул на нее, и она замерла на месте. Конь как-то неуверенно пошел вперед.

- Стой!- наконец крикнул князь.- Конь замер на месте. Юрьевич подбежал к нему, взял под уздцы:

- Ну, что, Александр, накатался? Закончился твой первый урок. Еще хочешь кататься? Ну, потерпи уж до завтра. Конь должен привыкнуть к тебе, привыкаться. Отныне только ты будешь садиться на него.

- Некогда теперь, сынок, тебе играми и забавами развлекаться. Будешь дело ратное изучать книжную премудрость осваивать.

- Я буду первым воином и князем,- твердо заявил Александр.

Все засмеялись. Засмеялся и он.

* * *

В играх, забавах Александру первый напарник Феодор. Он в бабки играл весело, а младший брат всерьез, звонко выкрикивал:

- Горб! Яма!

Александр не расстраивался, если выигрывал брат. Он старший, ему везде первый чин.

Набегается княжич и тихонько идет к расписным хоромам княжеского двора. Как есть, босой, в широких холщовых штанах направляется в матушкину светлицу. Около двери останавливается, чтоб дух перевести.

Матушка дорогая, словно облаком душистым окутывали ее ласки. Никогда не ругала она Александра, только мягко журила и наставляла, будто упрашивала:

- Во всем надо батюшку слушаться, дядю, а паче всего- Бога бояться. И еще, сыночек, не забывай ко всякому делу с молитвой приступать.

- Я, матушка, молиться люблю.

- Молитва, сыночек, слаще меда. Ты, сыночек, будешь князем. А русскому князю подобает хвалиться не только золотой казной, а и дружиной храброй, и верой сильной. Ты, сынок, никогда не забывай о своем славном прадеде Юрии Владимировиче

Долгорукове. Это он построил Переславль – Залесский. На том месте раньше были глухие леса. А о твоём деде песнь даже сочинили:

« Ты можешь могучую Волгу
Разбрызгать веслами людей,
И вычерпать Дон многоводный
Шеломами рати твоей».

Матушка пела нежно – нежно. Слушал ее Александр и не мог наслушаться.

А перед глазами река могучая плыла, не такая, как Клязьма, больше, а по ней скользили огромные ладьи с дружинниками, навстречу битвам, победам.

Матушка взглянула на сына, а он уже спал, притулившись на лавке.

* * *

Каждый день выезжал дядька с княжичем за город, обучал его разным ратным премудростям. Мальчик схватывал быстро, ведь он рос не по дням, а по часам. Уж который раз ему новую походную форму сшили, в ней и бегать легко, и прыгать. Дядька тоже в походной форме прыгает, бегают вместе с мальчиком, к вечеру оба усталые, но не жалуется никто.

- Ну, как, княжич, уморился?

- Не, воину нельзя уставать.

- То - то же, славно говоришь, Александр. И все ж передохнуть надобно, а завтра после обедни - опять на луга.

...Еще солнце высоко не забралось, а дядька с пестуном уже в поле. Луговой ковер- красотища, но не любоваться на него приехали всадники.

- Пришло время тебе, княжич, научиться владеть мечом. Вот твой меч, он хоть и из липы пока, но уже длинный, метровый, почти в твой рост.

- О, какой меч длиннющий!

- Верно слово твое, княжич, а ведомо ли тебе, зачем нужен длинный меч?

- А я буду им рубить, и никто ко мне не подберется.

- Верно-верно. Врага нельзя е себе подпускать близко. А теперь учись владеть мечом.

- Меч у меня не настоящий,- вздохнул княжич.

- Руки у тебя пока не твердые, вот и меч легкий. А окрепнут руки, дадим тебе меч твердый и тяжелый, из дуба или ясеня. А теперь поработай мечом.

Александр отпрыгнул в сторону, стал лихо рубить воздух, направо, налево, будто рядом враг, то наступает на него, то отходит. Ныне забава для княжича, а руки привыкают к

мечу. Намахался им вволю Александр. Плюхнулся на траву, чтоб передохнуть. А дядька

будто и не заметил его усталости, лук ему в руки сунул:

- Видишь дерево, стрельни в него.

Княжич вскочил на ноги, изготовился к стрельбе. Натянул тетиву. Стрела свистнула и упала, не долетев до дерева.

- Ну, вот, учись, чтобы точно в цель попасть, скоро в диких птиц будешь стрелять.

...Труднее всего княжичу было сулицей (дротиком) овладеть.

Дядька все научал его и показывал, как взяться за него лучше, как метнуть подальше:

- Гляди, Александр, бросишь метко дротик, поразишь врага, он к тебе и близко не подступится. Ну, давай, пробуй. Важно зачало.

Княжич бросил дротик, он улетел недалеко. До самого вечера Александр бросал сулицу, пока она ни стала отлетать за десятки шагов.

- Молодец, княжич,- подбадривал дядька, а когда княжич совсем утомился, смилостивился,- ну ты уж посиди, отдохни.

- Да потом, потом.

А с копьем юному ратнику пришлось труднее. Копье было тяжелое. Трудно мальчику на коне одной рукой держать повод, а другой копье. А дядька строго командует:

- А ну вонзи копье в полено!

Александр тюкнул в него копьем.

- Ну, уж нет, ты его тарань, тарань!

Дядька подскочил с копьем к полену, протаранил его, так что отлетело на несколько шагов.

- Ты смотри, княжич, крепче держи копье и вернее бей. Самый точный удар – в забрало, вот тогда враг падает к твоим ногам. Ну, давай, еще попробуй.

Целый день княжич таранил полено.

Ну, а отдых мальцу, когда солнце садится, а дядьке – новое дело в тереме, в палатах.

На дубовой лавке сидит и истории баёт про то, про се, про диковинки и про старину.

А княжич рядышком, затаив дыхание, слушает, заслушивается древних сказаний, где бывальщина перемешана со сказкой, где быль с вымыслом дружит. Самые любимые былины у Александра о богатырях, об Илье Муромце, Добрыни Никитиче, об Алеше Поповиче.

- Богатыри - самые сильные люди на земле и самые добрые. Они всегда слабых защищают. А злые всегда силу теряют. Злость забирает силу.

- Я хочу стать богатырем. Богатыря не одолеет ни Змей Горыныч, ни Кощей Бессмертный.

Александр задумался, откуда берутся богатыри? Силища у них какая! Вот Илья Муромец валуны поднимал, их пожалуй, десяток молодцов не осилит, а богатырю - легче легкого.

- Силу нужно искать, день и ночь валуны кидать, - так ответил княжичу дядька.

У матушки другой был ответ:

- Ягодка моя, солнышко, доброта делает человека сильным, любовь. Люби всех, и будешь самым сильным.

- Я буду Богу молиться, чтоб Он сделал и меня сильным.

- Молись, деточка, молись, дорогой, Богу нужно молиться всегда. И перед началом дела, и в самом деле, и когда закончишь его. Кто не забывает Бога, того и Он не забудет. От Него и сила, и власть.

И дядька тоже говорил, что власть от Бога. Неразумным юнцом Данилыч никогда не считал Александра, разговаривал с ним, как со взрослым и не уставал наставлять:

- Русский князь должен быть добрым воином. Знаешь ли ты, Александр, что сие значит?

- Нужно смерти не бояться, а бояться только Бога.

- Славно, славно, княжич, понимаешь сие. Коль страха смерти не имеешь, будешь везде биться добре, даже посреди чужого войска, с малым оружием, даже с одним топором.

- Господь тогда поможет.

- Тебя не учить, а самому от тебя учиться. Правду говоришь. И в Святом Писании о том написано. При Езекии царе пришел царь ассирийский Сенахирим, на святой Иерусалим, чтобы покорить святой град. Внезапно явился Ангел Господень и перебил 185 тысяч воинов из войска ассирийского. И, встав утром, нашли только трупы.

- Победить врага можно только с Божьей помощью.

- Истинно, Александр, с Божьей помощью победил и Иисус Навин у Иерихона. И кроткому Давиду Бог помог одолеть иноплеменников. Не меч все решает.

* * *

Верхом на прогулку княжич уже далеко заезжал с дядькой, ого - го куда, туда, где заканчивались избы околородья Переславль - Залесского, где стояли древние дубы, им кланялись золотые хлеба, где широко разливался пронзительный свет солнца.

А что там, впереди, где так ярко зеленела трава? Неохватный дуб, будто великан, распластал свои руки, в гости зазывал, а можь то чародей заколдованный?

Хотел княжич посидеть возле дуба, а дядька увлек его с этого места:

- Прежде в стародавние времена тут неподалеку были идолы, сотворенные из камня.

С радостью княжич поскакал назад домой, и сердце его обьял неожиданный восторг, когда издалека увидел купол каменного с резным поясом собора.

Служба вечерняя уже шла в храме. А княжич в походном платье зашел вместе с дядькой, свечи поставили к иконе Спасителя. Александр зашел на клирос, подключился к благоговейному пению, звонким красивым голосом стал подтягивать:

- Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас.

* * *

- Ну, а теперь, княжич, надобно тебе силе и ловкости научиться!

Дядька подозвал дружинников, вместо мечей дал им палки, и они стали размахивать ими, как мечами, пока наконец один из них, под натиском другого, ни упал на землю и позволил прижать себя палкой.

- Ну, княжич, видишь, как достается победа? Напор, ловкость нужны,- обьяснял дядька.- А теперь ты можешь поратоваться с победителем. Не боишься?

- Нет, я не должен бояться врага. Иначе он завоюет мой город.

- Ну, действуй, княжич!

Александр взял палку, щит, начал размахивать палкой и наступать.

Дядька одобрительно кивал головой, а дружинник снисходительно отступал, но внезапно сделал выпад. Александру удалось упредить его, вывернуться, и самому сделать выпад.

- Ай, да, княжич, молодец!- воскликнул дядька.- Только меч, меч держи крепче. И не размахивай им, как размахиваешь палкой.

Когда княжич запыхался, орудуя палкой, дядька отменил бой. Победы Александр не добился, но и не отступил.

А брат Феодор в стороне тоже бился с дружинником. Тот выбил палку из рук княжича, прижал Феодора к земле.

Боярин, наблюдавший за поединком, стал объяснять ошибки Феодора. Он, конечно, бился уверенно, наступательно. Но не вовремя сделал два шага назад, а потом был поспешный выброс вперед, сбился с шага и потерялся.

Боярин взял палку и показал, как нужно было делать:

- Когда бьешься, не надо думать, как спастись. Нужно думать, как поразить врага и самому ему не поддаться.

Дядька принес мечи с расписными ручками, один меч дал Феодору, другой – Александру:

- Это ваши мечи, они с закаленными лезвиями, Когда пойдете в поход, возьмите их.

Княжичи с восторгом стали рассматривать их.

- Эти мечи не были в бою,- пояснил дядька.- Научитесь хорошо палками орудовать, получится и мечом. Княжичи должны все уметь. Одному Богу известно, когда Он возведет вас на княжий престол. А князь – и вождь дружины. Он и на коне должен быть лучше всех, и из лука стрелять так, чтоб за пятьдесят шагов в кольцо попасть.

- Настоящим воином можно стать лишь в походе,- воскликнул Александр. Феодор только улыбнулся.

- В походе необученные быстро погибают,- сказал дядька. – Для похода нужно силы копить.

- Я хочу стать сильным воином! – воскликнул Александр. Феодор только улыбнулся.

- Я должен стать сильным, - снова повторил Александр и задумчиво добавил,- кто за правду бьется, у того силы прибавляются с Божьей помощью. Я буду всегда только за правду биться.

- Ну, вы отдохните,- разрешил княжичам дядька и отошел в сторону.

Феодор тут же упал лицом вниз, уткнулся в траву. Рядом с ним лег Александр. Помолчал, потом заговорил:

- Знаешь, Феодор, многие братья друг против друга идут. А я хочу, чтоб у нас такого не было. Я, как учит батюшка, хочу тебя слушаться, по старшинству. Ты всегда будешь главный, а я буду твоим помощником во всех ратных делах.

Феодор медленно повернулся на спину, загляделся на небо, где плело узоры белоснежное марево облаков.

- Хорошо ты говоришь, братец, хоть и мал годами. Не дай Бог нам с тобой ратоваться, матушку и батюшку этим обижать, самих себя такими злобными проделками убивать. А жизнь здешняя на земле, как это облачко, появится, а потом исчезнет. Господь дает жизнь,

Господь ее и забирает. А потом ответ за нее попросит. Позовет на свой Страшный Суд и скажет: « А ну, давай ответ, раб Божий, за все свои дела. Разве мало я дал тебе хорошего? Дал тебе княжеское звание, а ты хуже всякого смерда».

Александр, слушая брата, задумался, заглядевшись, как букашка ползет по былинке, наконец произнес:

- А Бог всех любит, и князей, и смердов.

- Хорошо ты сказал, Александр. А вот если на Суд Божий молодым придешь, а еще ничего не успеешь сделать?

- Как молодым?- не понял Александр.

- Ну, если в бою погибнешь? Всякое может быть, - задумчиво ответил Феодор. - И с молодого будет спрос. Из нашего рода Борис и Глеб молодыми погибли.

- А я и не знаю пока, как бы поступил на месте Бориса? – вроде самого себя спросил Александр.- Стал бы биться с братом или позволил бы себя убить?

Феодор долго молчал, потом тихонько стал посапывать. Уснул.

Младший брат не решался пошевелиться, чтобы не вспугнуть сон старшего. Облака вырисовали на небе дивные сказочные ладьи. Они величаво выплывали из-за горизонта.

Красивые, воздушные корабли, которые легко уплывают в любые заморские страны, видят всякие чудеса. А вот ему, Александру, совсем не хотелось умчаться за тридевять земель.

Сердцем своим он чувствовал, что нет лучше родной земли. На ней и матушка, и батюшка, и братья, и сестры, нянюшки, дядьки – все свои, родные. За них он и будет биться, если Господь призовет на ратное дело.

- Господи, не отдай нас в руки врагов наших,- мысленно попросил Александр теми словами, какими просила всегда матушка.

И в сердце своем княжич будто почувствовал отклик.

Да, верно матушка всегда повторяет:

- Лучше нет родной земли, где вера наша, православная

Умилился душой Александр и будто ощутил от земли дуновение ее живого дыхания и благодать тепла.

* * *

В зимние дни княжичей учили грамоте. Александр быстро научился складывать буквы.

Чтению он учился усердно по книгам с темными кожаными корешками, с медными и серебряными накладками.

Легко учение, коль есть к тому стремление. Дал княжич Александр себе зарок, чтоб внимать учению, как Божьему гласу, и просил Господа, чтоб его, неученого, просветил во всем. Порешил о том, и учение уже никогда ему не было в муку. И ложилась наука прямо в сердце ему.

- Сотворил Господь землю, была земля безвидна и пуста.

Ясно и легко изрекал сии истины ученый монах Исаак. Улетала мысль Александра в империи поднебесные. Вот земля, как в ней все обустроено, красиво. Птицы поют, цветы расцветают. Дыханием Божиим она оживотворена, благодатью Всевышнего. И как благ Господь, что одарил он радостью жизни каждую букашку, каждую травинку. Экая бездна Божией Любви! Она не только оживотворяет, она одаривает. А смерть? И на ней тоже лежит печать Божией Любви.

Улыбался ученый монах, очень странно ему, что юнец так уверенно говорит о смерти. Возникло вдруг неподобающее его сану желание напугать юнца:

- Смерть телесная некрасива, это тлен и мрак, чтобы мы ее испугались и взыскали бы града горнего.

- Смерть героя за людей – красивая.

Ну, об этом юнец может только рассуждать!

А Александр уже мысленно видит ратное поле, усеянное погибшими воинами. Над каждым ратником склонилась смертная тень, и тысячи сияющих ангелов уносят души в небеса.

- Смерть – это тайна за семью печатями. И по Апокалипсису ее открывает всадник на белом коне. Смерть – это благодать, когда она освобождает от бренного тела и за достойную жизнь душа переносится в горние селения, - поясняет монах.

- Я знаю, – задумчиво произносит Александр. – Смерть великое зло может сделать добром.

И млад, и стар задумались над неразгаданной тайной.

... Только закончился урок, а уж спешит Данилович к учителю:

- Ну, как успехи у княжича?

- Отвечал он изрядно и из Лествичника, и из Василия Великого. Диву дивлюсь, как

у юнца крепко напечатана в сердце смертная память! У него великие духовные дарования.

Но не радуется сие суждение воспитателя. Князь доверил ему свое чадо, чтобы он готовил

его для князьего престола, а не для того, чтобы обряжать его в монашеский чин. Коль заботить его только духовными делами, будет ли он способен к державной власти мирской?

И спешит Феодор Данилович озаботить дворовых:

- Завтра будет военная игра, всех собрать, всем быть готовыми!

* * *

Скачет, скачет конь княжича Александра без устали. Не оглядывается юный всадник, но чувствует, погоня отстала от него. Верные люди отвели погоню, устроив засеки. Конь добрый несся, словно ветер, занес в укрытие надежное, в рощицу. Как теперь дядька волнуется, ищет княжича. Александр остановил коня, затаился, знал, что вот – вот его найдут. А как хорошо в рощице в летний денек! Как славно птицы Богу хвалу воздают! Вольно одному затеряться, спастись. Ну а ежели с князем дружина? Князь прорвался. И ему надо за собой увести дружинников!

Достал княжич рог тура, начал гулко трубить. Кто на его зов первым прискачет, тому будет верх. Своих или чужих ожидать?

Кровь удалая, материнская забурлила у княжича. Не страшило его даже если и в самом деле басурман из – за кустов появится, устроит сражение не на жизнь, а на смерть. Но из-за кустов показался дядька на рыжем коне, весь взлохмаченный, испуганный, будто дитянку малого потерял:

- Ох, умял ты меня, Ярославович! Молодец, что сигнал подал!

- Где дружина? – спросил Александр.- Я ее не бросил. Прорывался, чтоб разведать, можно ли пройти этим путем?

- Удалая храбрость не всегда похвалы достойна, бывает, что стоит она и головы. Как же, княжич, не убоился ты засады? Неразумием можно не только голову потерять, но и всю дружину.

- А от лишней опаски будет ли толк, когда дело идет о победе?

- Везде нужно разумничество. Все приметить надо, все понять.
- Но победу приносит Господь. Если не молишься, то ничего не заметишь и не поймешь.
- Ну, Александр Ярославович, скажи к своей дружине, пусть разворачивает фланг. Воины должны быть быстры, как ветер.

* * *

Нежданно-негаданно возникла для Александра эта новая дорога - путешествие в Новгород.

Все семейство княжеское отправилось туда на возках, окруженных вооруженными всадниками. Поклажи на возах везли много: и одежды, и посуды, и даже книги лежали в сундучках.

Княжичи в белых полотняных рубашечках сидели в одном возке.

Дорога бежала на Новгород, из ворот крепости Переславля – Залесского взобралась на взгорье. Александр оглянулся на окраинные, крытые соломой и обмазанные глиной избышки с плетневыми оградами. А там, дальше – рощицы, перелески, дубравы, где он недавно скакал на своем коне. Встрепенулось сердце Александра прощальной печалью, смутилось, когда он взглянул на собор над кручей Клязьмы. Полились у княжича слезы, когда посмотрел на Никитский собор. Но остановил свой плач Александр. Он – княжич уже большой и негоже ему на людях слезы выказывать. Не оглядывался больше назад Александр, глядел только вперед.

А у Феодора, хоть он и старше, тоже слезы на глазах навернулись. Молчали братья, ни

слова друг другу, не говоря. Бежала вперед дорога, колеса скрипели, кнуты взлетали.

И растворялся в дымке родной Переславль - Залесский.

...

Новгородский княжеский терем показался Александру сказочным. Стоял он в Городище, в Красном Селе. Был украшен пестрыми узорами с позолоченным гребнем. Причудливы были резные карнизы. Коньки глядели в разные стороны. А крыльцо было затейливо украшено точеными столбиками.

Внутри палаты были устелены коврами, а стены расписаны диковинными цветами.

Все семейство прежде направилось в домовую церковь отслужить благодарственный молебен за благополучное прибытие. И родители, и дети, и челядь, и дружинники, и бояре, и воеводы – все стояли со свечами в руках. А Александр много свечей поставил на подсвечники, и глядя на большую старинную икону, просил Спасителя: « Господи, помоги нам. Мама устала, папе надо много сил, брат плохо себя чувствует, и всем дружинникам тоже помоги».

После службы князь подвел к Александру крепкого молодца:

- Вот, сынок, тебе новый опекун Яким.

Александр смотрел на воспитателя молча, зная, что старшие должны первыми слово говорить.

- Ну, Александр, будем расти?

- А я уже большой, мне восемь лет.

Яким засмеялся:

- Большие все умеют делать.

- Я умею на коне скакать, и уже в летящую утку попал. – Александр запнулся в смущении, вспомнив, что матушка не разрешала хвалиться. Яким одобрил достижения княжича, но добавил:

- Ты, Александр, должен все делать лучше всех и лучше меня, - Яким снова засмеялся. – Будешь плохо делать, изгонят тебя новгородцы. Скажут: «Князь, ты нам не люб».

Здесь нужно стать великим князем, Новгород – то Великий Господин.

Целую неделю Яким возил Александра знакомиться с Новгородом.

- Новгород - самый древний город. А с начала он был деревянным городищем близ

Малого Волховца. Вот увидишь, княжич, какой Новгород Великий.

Для Александра новый град был, как сказка. Сколько здесь было людей, не пересчитать! Какие огромные улицы, площади! И дворы, и улицы были замощены целыми дубовыми плахами. Вон как цокал конь по новгородской мостовой! Новгородцы поглядывали на коня в изукрашенной серебряной сбруе, на самого княжича в вышитой рубашке, в расписных кожаных сапожках, как на диво. Малец - то - красавчик, и крепко держится в седле! А опекун глаз с него не спускает, но и успевает зыркать по сторонам, видно, наказ ему дан показать все диковинки города.

- Вот смотри. Александр, дренажные трубы из бересты. Как по ним пойдет вода весной, так и уходит в реку.

Загляделся княжич на избы. Эх, как ладно срублены, словно игрушечки, бревно к бревну приторочено, а швы мхом законопачены. А как красиво изукрашены наличники! И цветы на них, и деревья, и птицы райские. Загляденье, да и только!

На крышах – венцы, коньки – горбунки, петушки, словно пряники расписные. И сказка нескончаемая, с улицы на улицу перебегает, так и мнится, что сей миг из ворот дубовых выйдет знатный богатырь.

Да в таких домах только и жить богатырям, глиняных изб почти не видеть.

Поразил мальчика и Детинец - новгородский кремль.

- Детинец построен при князе Владимире Ярославовиче. Видишь, Александр, какие у него стены прочные? Врагу не по зубам, красотища-то, какая, а!

Дух захватывало у княжича от красот новгородских.

На левом берегу Волхова – поселки Людин и Неревский, на правом – самый крупный – Словенский. И везде красиво и ладненько. Таким представлялся Александру сказочный город, когда дядька ему о тридевятом царстве рассказывал. В таком городе и правитель должен быть крепким, а у него - много – много верных слуг. А того правителя все должны бояться.

Но больше всего поразила Александра София Новгородская – Софийский собор, тот самый, что воздвиг князь Владимир, сын Ярослава Мудрого.

Собор стоял на самом высоком месте, на левом берегу. И купола его сияли, как солнце. И Яким с восторгом рассказывал о святой Софии:

- Гляди, княжич, на самый главный храм Новгорода. Здесь служил святитель Иоанн, новгородцы его очень любят. Он ведь в Иерусалиме на бесе летал.

- А разве бес может слушаться человека?

- А у святителя такая сильная была молитва, что он и беса заставил себе служить. В его жизни все было чудно.

Захватил Александра рассказ об Иоанне Новгородском и его брате.

- Когда умерли родители братьев, Иоанн в монахи постригся, и с братом Григорием замыслили церковь во имя Благовещения Богородицы возвести. Строили, а у них деньги закончились. Тогда они стали Святой Деве молиться. И было Иоанну видение: Сама Богоматерь пришла и говорит: « Вы только веруйте. А помощь вам будет ».

А на утро вышли к воротам Иоанн с Григорием и видят : стоит богато оседланный конь, но без всадника, а через седло у него перекинута два мешка, один с золотом, а другой – с серебром.

- Они взяли золото с серебром, а коня?

- А вот в чем дело, Александр. Как только сняли мешки, конь стал невидимым.

- Вот так чудо!- радостно воскликнул княжич.- И братья достроили церковь?

- Деньги даже остались. Братья еще деревни купили к монастырю.

Александр с трепетом зашел в собор. Какой он большой! Раньше княжичу думалось, что в Переславль - Залесском – самый большой храм. А вот София была больше самых высоких и огромных теремов. И какие чудные иконы были в соборе! Александр загляделся на Лик Спасителя. Таких любящих глаз он не видел ни у кого.

К княжичу подошел Владыка Арсений, худощавый и высокий, с добрыми глазами.

- Приветствую тебя, Александр Ярославович! Знаешь ли , что всего дороже в Новгороде?

- Святая София!

- Умница! А в Святой Софии - икона Новгородская Знамение. Она чудо явила. Когда окружили супостаты город, ее вынесли на крепостную стену. А когда вражеская стрела воткнулась в икону, из глаз ее потекли слезы. Вот оно чудо! Сухое дерево источило слезы.

И тут же на неприятеля страх напал, тьма покрыла его. И супостаты стали друг друга убивать. Город спасся, а икону стали называть Заступницей нашего града, Стеной и покровом. - Она спасла Новгород! – воскликнул Александр.

С трепетом он взглянул на фигуру Богородицы с руками, поднятыми к небу. На ее груди, в круге - Богомладенец со свитком в руке, а правой рукой Он благословляет. Александру показалось, что Богомладенец благословляет именно его.

* * *

С раннего утра выезжали Александр с Якимом на прогулку по городу и все еще не успели везде побывать.

Приехали туда, где были новгородские мастера – на улицы Гончарная, Оружейная, Кузнечная, Плотницкая. Там, во двориках, под навесами работы шли полным ходом. Плотники ошкуривали бревна. Гончары крутили гончарные круги, лепя горшки и корчаги. Кожевники мяли кожи. Работали старшие мастера, а младшие приглядывались, учились работе. Интересно было наблюдать Александру, какие умельцы мастеровые, как ловко

они все делают, и какие замечательные вещи у них получаются. Но больше всего у княжича вызвали интерес кузнецы. Княжич просто загляделся на их работу. Огонь, молот и наковальня. А какие чудеса творят! Железку в оружие превращают. Экая силища у огня!

Пламя гудит в кузнечном горне. Раздувают его мехи из планок, соединенных кожей.

Кузнец огромными клещами достает раскаленное железо, бросает его на наковальню, окунает в воду.

- Зачем? – поинтересовался Александр.

Кузнец сам объяснил:

- Это закалка.

А Яким добавил:

- Когда человек в добре возрастает, жизнь его в жару добрых намерений раскалится, в холоде препятствий остудится. Вот тогда добрый плод будет.

- Куй железо, пока горячо,- крикнул мастер.

- А из чего железо?

- Вот молодец, - похвалил кузнец.- Князь должен знать, из чего его оружие будет.

Железо из руды.

- А руда?

- А руда, вестимо, - из болота.

- Оружейники, кузнецы – очень уважаемые в Новгороде люди, - пояснил Яким. И княжич с этим согласился.

...А на торжище - свои диковинки. Купцы в лавках торговали. И лавки ломились от товаров. Были там и меха, и мед, и воск, и рыбий зуб.

А посуды, сколько было на торгу! Деревянные тарелки, чашки, ложки, бадейки, коромысла, плошки, корчаки для медов.

А игрушек, сколько было в разных лавках – ладейки, куколки – человечки, теремки.

И украшений было видимо – невидимо, из драгоценных камней, из моржовых клыков – сережки, браслеты, гребешки, шкатулки.

Продавали гусли, сопели. Много было шкурок белок, чернобурых лисиц и медведей.

Нет, Новгородский торг не сравнить с Переялавльским, где торговали больше рыбой, медом, сукном, холстом.

Яким и это объяснил:

- Новгородцы далеко за товаром плавают, к Студеному морю, за Печору, и в Царьград, и в немецкие, и в свейские земли. Ну, Александр, а какую игрушку ты выбрал себе?

- Мне игрушки теперь ни к чему, я - большой.

- А и то верно, зачем игрушки воину? Не к лицу ему забавляться.

...Яким привел Александра к торговой площади у древнего ярославского дворища, пояснил княжичу:

- А тута – важное место – новгородское вече, сход, значит. Отсюда новгородцы изгнали князя Всеволода за то, что он о людях простых не радел. Тута и князь Святослав держал отчет. На вече могут любого князя прогнать, кто новгородцам не люб.

- А разве князь для всех не самый главный? – удивился Александр.

- Для всех русичей – самый главный. Но только не для новгородцев. Они во всем вольны, и сами выбирают себе посадника, тысяцких, кончанских, уличанских старост.

Туточки все спорят, а то и дерутся. Потасовки еще увидишь, княжич, они заканчиваются на Великом мосту, а он-то держится на семнадцати устоях

Александр загляделся на большой вечевой колокол, установленный на шести дубовых столбах. И подумалось княжичу: колокол здесь хозяин, загудит он, и все

прибегут на площадь. Люди будут много кричать, ругаться. А колокол любой шум остановит и заглушит. Колокол, как живой. Он может и плакать, и стонать, и вопить. Его голос выше человеческого, потому разве можно бояться людей? Колокол главнее всех, он - княжий слуга.

А Яким продолжал рассказ:

- И Ярослав Мудрый, когда княжил в Новгороде, считался с вече. Оно здесь главное, так всегда было. Новгородцы за свою правду стоят. Они спрос ведут и за цены на хлеб, и за войско. И коль с князя начнут спрос, то уж ни бояре, ни посадские не в силах защитит его. Они сами боятся вече, как огня.

- А дружина? У князя есть большая дружина!

- Новгородцы дерзки, выйдут против с деревянными ослопами, охотничьими рогатинами. Дружинников стаскивают с коней и бросают с Великого моста в Волхов. Могуч и страшен Новгород в злобе, не дай Бог тебе это увидеть. Зачинщики здесь, как искры огня, такой пожар могут раздуть!

Александр слушал Якима и поглядывал на колокол, который в своем величественном молчании будто хранил великую тайну. Кто сможет разгадать эту тайну? Богатырь? Настоящий, не сказочный! А, разгадав эту тайну, он и народ буйный покорит, будет править новгородцами в тишине и покое, на их пользу и усладу.

Не сказал об этом Александр, а только подумал, и показалось ему, будто тихонько согласно качнулся язык колокола.

...До темноты ездили по городу Яким с княжичем. Александр даже не проголодался, а в его кожаной сумке так и лежали нетронутыми пряники.

- Много ты увидел в Новгороде, Александр, и купцов удалых, и умельцев крепких. Князь должен много знать.

Александр согласился с опекуном и был ему благодарен, что время провели не впустую, а с великой пользой.

Сумерки напоздали на город; проглянули звездочки, любопытные, озорные, весело перемигивались, будто успокаивали Александра: много диковинного ты увидел, а небо над Новгородом такое же, как над Переславлем - Залесским, и мы, звездочки, те же самые - красивые и беззаботные, будто птички райские.

А Яким не на звезды поглядывал, а на землю:

- Вот роса уже упала на землю, завтра будет ясно.

* * *

А в княжьем тереме Яким рассказывал Александру были-небыли о храбрых дружинниках, о богатырях, о славных князьях.

Слушал Александр, заслушивался о свержении Перуна в Новгороде. Это ж предок его, князь Владимир, привел Русь к вере православной.

И в Новом Городе схватили Перуна и бросили в Волхов.

Велики подвиги были у князя Владимира! Как храбро он бился с небольшой дружиной против печенегов и одолел их. А в честь победы, по обещанию, построил церковь Преображения в городе Васильеве.

Любо слышать об этом было Александру, как и о том, что Владимир в честь победы великое празднование сотворил, наварил меду триста мер. Созвал и бояр своих, и посадников, и старейшин, со всех городов и весей, и раздал бедным триста гривен. А затем устроил князь великое празднование в Киеве.

Перед глазами княжича – и милостыня, и пиры Владимира. Словно живого его видел перед собой Александр, с ликом, сияющим милостью. Так явственно слышал его голос, повелевающий и болящему, и нищему, и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно – питье, пищу и деньги из казны. А для немощных и больных, которые не могли добраться до княжеского двора, был приказ: снарядить телеги, наложить на них хлебы, мяса, рыбу и раздавать немощным.

- Я тоже буду милостливым князем, - говорил Александр.

А когда слушал о Ярославе Мудром, тоже заявил:

- Я должен быть мудрым.

- Горе народу при правителе немудром, - сказал Яким.

- Горе, - повторил Александр и задумался.

* * *

С радостью заходил Александр в Софийский собор. Здесь душе его было так легко! Так, верно, птица парит в облаках. И все иконы взирали на него с радостью. И свечечки перемигивались лучистыми глазками.

Владыка часто подходил к княжичу и обязательно наставления давал:

- Знай, Александр Ярославович, историю Божию от Адама до потопа, от смешения народов до Авраама, знай царствование царя Давида, Соломона и Августа. Их благие дела и тебе помогут стать князем добрым. А будешь знать историю от Рождества Христова до Его Распятия и Воскресения, станешь человеком, и не забывай учение Спасителя, и умножатся дни твои в славе.

Александр слушал Владыку, будто ему все эти слова говорил Сам Христос. Знал княжич древнюю историю и любил ее, но, как сказку, а теперь надобно было понять ее, как школу жизни и правды.

Насилие великое всегда было. Но от любой беды людей добрых всегда спасал Бог.

- Нужно быть благодарным Богу, - наставлял Владыка. - Горе народу, которого, как иудеев, Господь питал в пустыне манной небесной, печеными перепелами, а они забыли своего Бога, избавившего их от плена египетского.

Князь должен многому научить свой народ, а для того самому ему нужно быть высоким мужем. Воздвигать церкви, не давать грабить свои владения, не прельщаться богатством, быть милостливым. Таким помогает Бог. И имя такого прославится от Каспийского моря до гор Араратских, от Варяжского (Балтийского) моря до Великого Рима.

Слова Владыки как бы передавали Александру радость богослужения. Церковные песнопения рвались из его сердца и замирали на устах. Но его сковывала робость.

Владыка сказал ему:

- Церковному пению тебя, княжич, обучит мой дьякон. Слышал, какой у него мощный бас? То-то дело, любой заслушается.

Не прошло и месяца, а княжич уже выводил на клиросе:

« Слава Богу в вышних и на земле мир, в человецех благоволение.»

* * *

Охотники подъехали на конях к озеру, обрамленному непролазным кустарником. На озере плавало с десяток диких уток и гусей.

Княжич сидел на своем Воронке, а на бархатной рукавице его правой десницы, прижатой к груди, дремал сокол. Отрок зорко следил за главным ловчим. У того тоже на руке сидел сокол. Птица Александра вроде дремала, а у главного ловчего Ильмена вертела головой - направо, налево. Ловчий следил за тем, как испуганно заметались на озере птицы. Ильмен обернулся к княжичам. Феодор положив руку на густую гриву своего бурого коня, чуть подался вперед. Александр, закусив губу, словно врос в седло. От этого мига зависел успех всей охоты. Главное вовремя выпустить соколов. Они взмывают вверх и поражают птицу, как выверенный удар стрелы.

Утки заметались по озерной глади.

Неожиданно, не дожидаясь сигнала ловчего, Александр подбросил своего сокола, резко дернул за шнурок, завязанный на ноге птицы, скинул колпачок. Как он угадал нужный момент? Тут же вспорхнул селезень. Скинув путы, сокол Александра взметнулся ввысь. Сделав над селезнем всего лишь один круг, он застыл на мгновение в воздухе и наконец, сложив крылья, бросился на селезня. Раненая птица упала на землю, к ней бросились собаки.

В воздухе еще парили три сокола. Они кружились над селезнями, взметнувшимися с озера. Их нападения не были такими точными и стремительными, как у сокола Александра. Схватки продолжались, селезни кувыркались в воздухе, ныряли вниз, взмывали вверх. Со стороны могло показаться, что они заигрывают с соколами, манят их. Наконец все селезни уже лежали на земле. Собаки притащили их в общую кучу.

- Самый расторопный нынче оказался верный глаз,- одобрительно оценил Ильмен. Он всегда сразу же начинал разбирать ошибки. Другие ловчие дожидались сборищ у костров. Но Ильмен стал пенять Александру, что он, не дождавшись сигнала, выпустил своего сокола. И Феодор тоже насупленно молчал. Все ж он - старший брат. Не резон младшему лезть вперед. И негоже младшему даже на охоте брать верх.

Но Александр так радовался удачной охоте! Важно ли, чей сокол был самый удачный? Главное охотники не пропустили нужный момент. Пока шла схватка, три утки снялись с озера и скрылись вдали.

...Феодор и Александр не пожелали почивать в шатре, легли около кустов на кожаных шкурах. Над головами у них были такие звезды, огромные, яркие, словно сияющие радостью.

- Сколько звезд! – с восторгом воскликнул Александр.- И все они разные, не похожие одна на другую. А когда родился Христос, родилась новая звезда. Первыми ее увидели пастухи, они, как и мы, ночевали в поле.

- У нас на Руси другие звезды, - ответил Феодор.

- А какие были звезды в Вифлееме! Они сияли, горели. А пастухи, как и наши, всегда смотрят на небо. Оно красивое, глаз не оторвешь. И вдруг они увидели эту звезду. Такой звезды они никогда не видели.

Александр рассказывал так, будто сам был в Вифлееме с пастухами. И Феодор слушал известную библейскую историю заворуженно. Под этим звездным небом она действительно звучала по-особому.

- А тебе хотелось бы жить там, на Святой земле?

Александр ответил, не задумываясь:

- Хотелось бы там побывать, поклониться Святой земле. А жить, как говорит батюшка, надобно на своей земле. Она держит человека, которпый ее крепко держится. - Александр замолчал, о чем-то глубоко задумавшись. Феодор, чтоб встряхнуть брата, воскликнул:

- Славная нынче была охота! А все ж ты молодец, верно выбрал момент начала ловли.

- А ты больше убил дичи! А мог бы и до озера не добраться. Там, у лога конь твой споткнулся.

Феодора всегда удивляло, что брат все замечал, что другие упускали из виду.

- А я чуть руку поранил.

- Да, браток, до свадьбы доживет, Феодор повернулся на бок, и тут же уснул. Сморило.

Александр долго смотрел на небо. Душа его молилась... Там, в занебесье - ангелы огнеглазые с сияющими крыльями. Какая сила дана душе! Она, словно птица, может парить в поднебесье, легко побывать в разных странах, а вера может перенести ее и в другие миры.

Над головой отдыхающих охотников горели звезды, величественные, сияющие. Дивны, Господи, твои творения!

До самого утра Александр не сомкнул глаз. Душа его молилась.

Утром еще первые лучи только-только позолотили небо, а все охотники уже на ногах. Феодор сладко позевывая, рассказывал;

- Дивно поживать у озера. Видел я во сне, что дичь сама к нам на опушку собралась, и зайцы, и волки, все вместе улеглись рядом и даже собак не боялись. - Феодор внимательно посмотрел на брата:

- А ты никак совсем глаз не сомкнул?

- Такие звезды!

«Молиться под звездами легко»,- подумал Александр.

У тлеющего костра сидели трое дворовых, а неподалеку лежали собаки. Молодой дворовый расправил шкуру:

- Не замерз, Александр Ярославович? Выспался, Феодор Ярославович? Садитесь, подсогрейтесь малость.

- Хорошо на воле вольничать! - воскликнул Феодор

- Хорошо, - согласился Александр, заглядевшись на тлеющие угольки.

- Мы сегодня на кабана пойдем, не испугаешься, Александр?

- А чего пужаться? Кабану надобно пужаться, на него сила ярая пойдет.

Феодор решил братца напугать:

- Кабан страшнее утки и под кустом может спрятаться.

- Так он и ищет, кто ж его испугается.

Еще не схлынула роса с трав, как охотники пустились по кабаньему следу. Собаки рвались вперед, а княжичи борзо скакали за ними следом. Охотники с них глаз не сводили, следили пуще, чем за зверем. Коль случится что с княжичами, всем будет беда. А особенно глаз держали за Александром. Он все вперед рвался, стало быть опасность искал.

Дворовые тихонько переговаривались:

- Можь, опередить Александра?

- Да нет, пусть сполна почувствует, что такое охота. Но к нему надобно быть поближе.

После первой пробежки до холма быстро выдохлись и собаки, и кони – очень шибко спешили. Но не успели передохнуть, как опять затрубили туры рога. И сорвались вперед собаки, за ними полетели кони. По тропинкам, по просекам мчался рыжий конь первого ловчего. А за ним на Воронке – Александр в охотничьей богатой одежде. Придорожной веткой полоснуло его по щеке, но не сбило княжича с общего гону. Впервые проснулся у него истовый охотничий азарт. Как стрела летел он вперед. А Федор решил обойти брата, вперед прорваться. Но куда уж там! Никак не удавалось обойти Александра, у которого плащ трепетал за спиной, словно знамя. А потом тропка свернула вправо, и Александр пропал для ловчих из виду. На Федора напал такой страх! Старший брат должен беречь младшего.

Внезапно впереди залаяли собаки, завизжали. Федор ринулся вперед, выскочил на поляну и увидел спешенных ловчих и окровавленного кабана с двумя воткнутыми в его жирное тело стрелами. А перед поверженной дичью стоял княжич с горящими азартом глазами и полыхающими от неумолимого возбуждения щеками.

- Не ушел кабан от моей стрелы! – радостно кричал Александр.

- Ай да, братец, ай да молодец!

Рад был Федор, что страх его оказался пустым. Понимал он и восторг брата, который, может быть впервые ощутил свою силу и удаль.

* * *

Князь и княжич Александр сидели на дубовой скамейке в саду под раскидистой яблоней, усыпанной краснобокими яблоками. Сын услаждался родительской беседой, внимая каждому слову отца.

- Знаешь, Александр, какая честь и достоинство должны быть у князя?

- Он должен быть добрым и смелым и никого не бояться.

- Истинно слово твое. Хоть ты и отрок, а уже с разумением. Великий князь должен любить и утешать своих подданных и дружинников, как своих детей. Но миловать надо все же с разбором. С крамольниками надо быть немилостливым. Подданных надо держать в страхе, но в разумном страхе, чтоб слово княжье не было подобно худому плевку. Не дай Бог князю вспылать великой яростью, как огнем. Но если не держать людей в узде, они безбоязненно будут восставать против князя, а таких буянов легко могут победить поганые варвары. Если князь не будет свою честь блюсти, от великого позора ему не спастись. Ну, скажи, сынок, а юным княжичам что надобно?

- Держаться доброго совета.

- Вот то истинно. На этом пути можно стать премудрым и не позволить никому разорить свою землю. И тогда град твой будет стоять во славу твоего имени, а нечестивцы будут бояться подступить к нему. И слава княжьей земли воссияет, как солнце.

Никогда еще отец не говорил с сыном так назидательно, словно воздавал ему свой наказ, княжеский завет. И его слова звучали, как завещание:

- Слушай, сын и запомни: твой отец никогда не был под рабским игом.

Но у нас много врагов, они могучие и безжалостные. От них нельзя повернуть вспять трусливо, любые пути надобно искать, чтоб разрушить их несправедные замыслы.

- А знаешь ли ты, сын, в чем сила войска?

- В крепкой вере.

- Молодец, княжич, усвоил. Ни мечи, ни кинжалы не сотворят победы, коль нет в сердце веры. Но и без умения врага тоже не победишь. А коль соединишь веру и силу борца, обретешь тогда силу необоримую, тогда будет у тебя победа даже с малой ратью. Тело нужно держать в защите кожаной и железной. Броня, кольчуга, железные перчатки дадут тебе силу, а пылающее сердце даст тебе власть.

* * *

В матушкиной светелке Александр чувствовал себя свободно. Отцу боязно хоть в едином слове перечить, с матушкой вольно и радостно было говорить.

- Ты, сынок, будь всегда добрым юношей, а за то тебя Господь наградит доброй милостью.

- А какая самая большая награда для человека?

- Принять ангельский образ.

- Трудно быть храбрым воином и в ангельском чине.

- А ты проси Бога, проси, и Он поможет стать таким, чтоб и людям был люб, и Богу приятен. А паче будь, как в Писании сказано, мудрым, как змей, простым, как голубь, чтоб в сердце всегда был страх Божий и смирение. Будь крепок в вере, как твои досточтимые сродники, Борис и Глеб. Не бойся убивающих тело, бойся того, кто может и тело, и душу погубить в геене.

Геену Александр видел на иконе. Страшно гореть вечно в огне неугасимом, света ангельского не видеть, Божьей радости не ощущать. И одна надежда на свои молитвы и матушкины просьбы к Богу. Она долго поклоны бьет перед образами. Господа просит спасти ее детей.

* * *

Над Новгородом плыл зов вечевых колоколов, сотрясавших небо и землю вокруг, а громче всех тревожно гудел главный стопудовый, тот, что на шести дубах держался. Толпы горожан тучами устремлялись к вечевой площади. Спешил туда и князь на коне, покрытом расшитой попоной, а рядом ехали на конях княжичи. Отец на ходу их наставлял:

- Нужно вам новгородскую жизнь понять. Увидите, кто друг, кто враг княжьего престола, кто радеет об общем благе, а кто лишь о своем. Будете зоркими, все увидите. Будете мудрыми, все поймете.

Княжичи молчали, тревогу батюшки понимали. После вече он целый вечер будет мрачный. Из владычных покоев, где заседал новгородский совет господ, князь возвращался всегда радостный. Он и Владыка Арсений понимали друг друга с полуслова. И степенные, и старые посадники, тысяцкие, сотские, концевые, бирючи вели думу правую, суд вершили без приязни.

- Там святая София собирает самых знатных и почетных гостей, а не горлопанов, - говорил о совете князь. Во власти нужен порядок, тогда будет ясно, кто правит Новгородом. Во главе – князь, потом бояре, помогать им должны купцы, а пониже – житьи люди - - мелкие бояре, а за ними - помещики, воеводы, а потом – люди черные, что кормятся ремеслом и торговлей. А внизу - уже смерды, половники, холопы. А на вече – порядку нет.

И вот уже вся вечевая площадь заполнена сермягами, зипунами, шубами бобровыми, собольими, енотовыми, беличьими. И все кричали криком яростным, и бояре, и воеводы, и ремесленники, и смерды, и холопы, будто стая ворон залетела на площадь и граяла, что есть мочи.

- Князь, ты должен творить нашу волю!

- Никогда не было, чтобы вече кто-нибудь перекричал.

Лицо князя окаменело и было под цвет его алой шапки.

Тяжко было Александру на этой вечевой площади. Много видел он глумливых лиц. Нет, такие не будут подносить князю хлеб – соль на серебряном блюде.

- Кто с нами добр, будем любить, а кто зол, будем казнить!

- Не каждому дадим целовать крест на нашей грамоте.

Разве можно было так разговаривать со своим князем? Даже небо возмутилось, было

темное и хмурое. Тревожно нависало над людской толпой.

- Дюже крут ты, князь, со всеми.

- Новгород – не чета другим городам.

Испугался Александр как бы князь- отец ни призвал бы войско свое, и ни стали бы верные дружинники переславские, всех рубить на площади

- Что ты скажешь нам, князь, держи ответ, готов ли ты выполнять наши требования?

- Вы меня на княжение сами поставили. Но я не только князь выборный, а природный, моя власть идет во след прадедов. А коль в Новгороде земля – княжеская, значит должны быть княжеские права. А мне мешают судить, взимать дань, наделять землей.

Поднялся на вече шум со всех сторон.

- Никогда еще в Новгороде князь не брал верх.

- Мы свои права не порушим.

Долго - долго кричали на вече, и князь никого не смог перекричать.

Даже в тереме он не мог успокоиться:

- Княжья власть - от Бога, и она дана князю, чтоб не просто восседать на престоле, а вершить суд правды и милости. А отдай всю власть боярам и холопам, они вмиг всю землю разорят. Что же я за князь, если ни я, ни моя жена не можем купить ни одного села. Не могу я ездить даже на Ладогу ловить рыбу в любое время, а только раз в году, и на охоту в Руссу могу ездить только осенью. И не дальше шести верст от Новгорода. Я не хозяин Новгородской земли. Мелкие, безродные люди суд здесь вершат. Князь лучше всех знает, как не нарушить закон и веру. А князю без посадников нельзя ни судить, ни грамоты раздавать. Но только князь имеет силу, чтоб нашу веру не подчинили папе римскому. А потеряем веру, потеряем и власть. Все, уезжаю в Переславль!

Молча слушали князя и жена, и дети. Он приказал, чтоб принесли ему дорожное платье и сапоги. Приказал жене собираться:

- Все уезжаем в Переславль-Залесский. Пусть поймут холопы, что значит жить без князя.

Обратился Ярослав Всеволодович к сыновьям:

- Феодор и Александр! Оставляю вас в Новгороде, как мой главный залог. Вы - моя самая главная казна здесь будете. На тебя, Феодор, Бог возложил старшинство. А ты, Александр, послушанием можешь спастись.

Дети, челядь, дворовые вышли провожать князя с княгиней.

Матушка со слезами на глазах целовала детей:

- Упаси вас, Господи, в любой смуте!

Князь сам вынес ларец с сокровищами, положил в повозку в своих ногах, поцеловал свой серебряный крест, оплавленный в золото:

- С Богом!

И лошади побежали вперед.

* * *

Тихо- тихо стало с отъездом родителей в тереме.

Тени прятались по углам, неслышно ходили по палатам слуги. Тишина таилась такая, что слышно было, как скреблись мыши в щелях. И Александр представлял себя тоже мышонком, забравшимся в подполье. Скучно было, тоскливо, не тянуло во двор, не хотелось кататься на любимом Воронке, идти в город. А взял Александр книги в руки и зачитался. И стало спокойно, и даже весело. А потом чтение так захватило, что оторваться от книги не мог. Читал взахлеб, про моря-океаны дальние, про походы славные разных дружин. Как далеко они уплывали на кораблях – ладьях, на баржах, странники со щитами и мечами. В заморских землях они видели такие деревья, которые на наших почвах не смогли бы прижиться. Там круглый год цвело лето. Снега там не было никогда. Неужто эти страны на самом деле существуют? Можно ли добраться до них на новгородских расписных ладьях, под парусом и с гребцами? Там - высоченные холмы, которые прозывают горами, там - чудные города, в которых есть невиданные каналы, пирамиды. Александр читал о заморских ясно – солнечных странах, а в Новгороде становилось все пасмурней и пасмурней. Полили дожди, с утра до вечера, с вечера до ночи, с ночи до утра. И опять дожди-дожди. Сплошной стеной они отделили Новгород от Городища, избы от хором. Люди прятались под крышами, навесами. Все ждали, не могли дожидаться, когда же остановятся дожди? Может, сегодня? Может, завтра? Сколько ж можно лить и лить? От половины августа до середины декабря густая мгла покрывала небо Новгорода. Слуги в тереме охали, ахали, причитали.

- Ни одного светлого денька! Ни сена не накосили, ни поля не убрали.

- Бог прогневался на новгородцев.

- Хлеб сгнил на лугах, в полях житницы стоят пустые.

Воевода Феодор Данилович тяжело вздыхал:

- Новгородцы теперь виноватого станут искать.

А на другой день уже с ужасом рассказывал в тереме:

- Владыку Арсения чуть ни убили! Кричали, что это он, княжий дружник, дожди навел. Владыка от разъяренной толпы спрятался в храме Софии. А эти злодеи и там достали, так его пихали, едва спасся от смерти. Что-то будет теперь?

В красном углу, богато украшенном золотыми и серебряными окладами, жемчугом и драгоценными камнями, упал Александр перед образом Спасителя и умолял:

- Господи, умири новгородцев, вразуми их, ищут они виноватых, себя не хотят виновными увидеть. Господи, пощади и Владыку Арсения, денно и ночью он молился за Новгород.

Новые страшные вести вползли в княжеский терем: новгородцы вооружились и разграбили дом тысяцкого, стольников, хотели повесить старосту архиерейского и софийского, и кричали они при злодействах:

- Эти люди наводили князя на зло!

Феодор утрашился сей народной бури:

- Слышал я, они на вече нового тысяцкого избрали. Что-то будет дальше? Они не успокоятся, пока ни прольют много крови.

Александр не было страшно за себя. Отец далеко, и его не достанут. А ведь и вправду, сколько людей поубивают! Жалко было всех. А злодеев? От них всем плохо. Но и их было жалко Александру. И опять он стоял на коленях в красном углу.

- Господи, сделай так, чтобы новгородцы не смогли убивать друг друга. И отец смог бы вернуться! Господи, сделай это, пусть в Новгороде будет твоя правда!

Александр и в постели молил Бога, знал, что молится и Феодор.

А за окном лил и лил дождь.

Утром Александр только открыл глаза, тут же выглянул за слюдяное оконце: опять дождь проливной. А ведь день какой - Николая Чудотворца!

И снова Александр в красном углу молился Спасителю и Николаю Чудотворцу усмирить беды в Новгороде.

К вечеру на порог зашел Феодор Данилович в мокром кафтане, а в глазах у него - то ли испуг, то ли удивление.

- Чудо! Божье чудо! Наводнение! Волховский мост сорвало, а противники на разных берегах достать друг друга не смогли.

- Слава Богу! Чудо! – в один голос воскликнул Александр и Феодор.

- Господь в честь своего угодника совершил милость.

- Слава Богу! Кровопролития не состоялось. Вот увидите, княжичи, новгородцы пошлют за князем.

А через день дружинник прискакал издалече: весть от отца привез.

- Все ли живы в тереме и здоровы?

- А отчего батюшка не приехал?- спросил Феодор Разве за ним не посылали?

- Посылать-то посылали и потребовали, чтобы князь вернулся княжить, только б уважал новгородскую старину и вольность: «Ты – себе, а мы – себе». А за такую дерзость князь велел и княжичей вывести из Новгорода. Феодор, Александр, одевайтесь!

Слово отца – закон.

- Нужно ехать в Переславль – Залесский, - сказал Феодор.

Александр всегда оказывал послушание отцу и брату, молча стал собираться, надевать дорожное платье. А сердце его чуяло беду, хотя брат мрачно успокаивал:

- Мятеж не уgomонится, будет еще пуще. А вот уедем к отцу, можь все очнутя и успокоятся.

* * *

Переславль – Залесский после Новгорода показался маленьким городком с низкими домами. С подслеповатыми слюдяными оконцами. Даже в княжеских хоробах тесаный потолок и то показался низким. Но под ним веяло покоем и миром. Терем детства. Александр прошелся по сеням, покружился у столбов, заглянул во все уголки. Не такие были тут хоробы, как в Новгороде, но зато у переславцев и в мыслях не было затевать мятеж: воля – неволя – на все Божья воля.

Далеко отсюда шум вечеровой площади. Хоть и мал родной городок, а казалось, что солнца в нем больше, особенно в матушкиной светелке, где и образа по - особому сияли:

- Молись, дитятка, чтоб Господь помиловал князя русской земли и его чад.

- Я, маменька все время молюсь.

- Что – то ты стал бледен, деточка? Отдыхаешь мало, все читаешь, молишься. Ты – будущий князь, должен быть сильным и здоровым, чтоб тебя боялись враги.

- Я буду настоящим помощником отцу.

Глаза Александра засияли, словно звезды:

- Я, матушка, жизни своей не пожалею за Русь и за княжескую правду.

Откуда у Александра такие речи? Не иначе как от отца.

- Похвально говоришь, сынок, за это тебя прославят по всей Руси и помилует Бог.

Как хорошо с матушкой, спокойно, а сердце Александра все одно чувствовало беду. Вот она уже за спиной стоит. Господи. Помилуй!

И снова княжич сел за книги. В сказках он видел главную правду: добро всегда победит зло. Вот всадник поражает копьём крылатого змея. Вот золотой волшебный клинок защищает добрых людей. Как все ясно и понятно в книгах, труднее разобраться в настоящей жизни.

Из Новгорода то и дело приезжали вестники:

- Прознали новгородцы, что княжичи уехали к отцу. Только теперь увидели бояре, как крепко гневается на них Ярославль. И на вече кричали: князь задумал какое-то зло на святую Софию! И еще кричали: мы не гнали князей от себя и самому князю не сделали никакого зла. Казнили только свою братию. Пусть судит князя в том Бог и честный крест. А мы промыслим себе другого князя. И еще кричали, что нужно звать князя Михаила Черниговского. Велика, кричали наша земля, на восток – до Торжка, на запад – до финского залива, до Чудского и Псковского озер, до самых границ Ливонской земли. И на север – до Ладожского и Княжеского озер. Новгородские земли простираются до Ледовитого океана и Сибири.

- Так, так! – воскликнул князь Ярославль. – Но я еще хотел присоединить к Новгороду и Псков и поехал к псковичам с дарами. Но не приняли меня псковичи, потому что сдружились они с немцами. Не хотел я зла псковичам. Оскорбили они меня и поплатятся. Немцев они избрали себе союзниками. А на княжих ратников сказали: « Вы не лучше поганых ». Не хотят новгородцы идти на псковичей, не хотят стоять за своего князя. А псковичи идут в друзья к папе. Хотят латинскую веру принять.

- Новгородцы если упрутся, то их не собьешь, - сказал Феодор.

- Так и пусть тогда без князя живут!

- Плохо им будет без князя, - ответил отцу Александр.

- Ну и пусть будет худо, тогда поймут, что город без князя, что тело без головы.

Коль пойдешь на поводу у новгородцев, блага не будет, а Михаила Черниговского надобно постеречь.

Тяжело было на сердце у Александра. Но он даже не решался говорить об этом с отцом, очень уж сердит он был на новгородцев. Только Феодор успокаивал Александра:

- Отец делает все, как надо. Новгородцев можно смирить только крепкой рукой.

Лихие люди ополчились на князя.

- За веру нашу они ополчились, - говорил Александр.- Господь не потерпит того, а жалко новгородцев.

- Только Господь всегда правосуден, – говорил Феодор.

* * *

Зашумел, загудел Новгород, наполнился страхом невиданным.

Казалось, огнедышащее чудовище бродило по его улицам, распространяло свой смрад и волны ненависти. А в след этому чудовищу вражды появилось другое - костлявое, сама смерть открыто гуляла по улицам и площадям. Она своей смрадной рукой хватала новгородцев и запихивала в свой ненасытный рот.

Не было прежде в Новгороде столь ужасных картин: и тут, и там валялись трупы. Разве можно спастись от голода, который, как самый злобный враг не жалел ни молодых, ни старых, ни малых, ни красивых, ни уродцев.

Многие новгородцы говорили о Божьем наказании. Разве мало у них грехов? Князя своего Ярослава выгнали, междуусобие затеяли, друг друга на войну подстрекали. Оттого беды бесчисленные сыпались на Новгород. И оставил его князь Ярослав, и оставил его князь Михаил.

И питались новгородцы тухлым мясом, толченой корой, мхом, березовым лубом и кореньями.

Нападали друг на друга, людоедствовали. Матери продавали детей в рабство. Может ли быть большее наказание для города? И не устремлялся народ под звон колоколов на вече. Князь Ярослав опять был вдали, в Переславль – Залесском. Только княжичи жили в Городище в тереме.

Жалостью к новгородцам обливалось сердце Александра. Сколько людей уже погибло с голоду. Сколько погибнет еще! Взять бы суму безразмерную и пойти всех оделять хлебом. Только нет никаких запасов в амбарах: никогда не был так скуден княжеский стол. Но и малый кусок хлеба застревал во рту княжичей. Все голодали. А неужто им наслаждаться трапезой!

В тонкие тростинки вытянулись княжичи. Позабыли свои игры, забавы, на запор сами себя посадили. Тоскливо было сидеть без отца, и горько- горько было слышать о нем поганую клевету.

- Ну, что, Александр, страшно тебе?- спрашивал Феодор.- Говорят, отослали новое посольство к князю Трубчевскому. Изменщики смуту творят.

- Правда всегда победит,- твердо отвечал Александр.

- Вот и я о том думаю. Нельзя отцу возвращаться. Пока в его правду люди ни поверят. Кто бы ни пришел княжить к новгородцам, никто не сможет с ними управиться, кроме нашего отца.

- А чтоб понять им это. Нужны еще беды.

- Да куда уж больше бед, - с горечью воскликнул Александр.

- То ведает лишь только Господь.

По улицам Новгорода народ бежал с обезумившими глазами. От бессилья люди падали и кричали:

- Пожар! Пожар!

- Где пожар?

- На Славянском конце!

- Господи, помоги! Пощади! Спаси!

- Матерь Божия! Защити!

Огненное море полыхало, словно великое чудовище перекатывало вал за валом. Огонь перепрыгнул и через Волхов. Заглатывал все, что попадалось у него на пути. И не было от него спасения. Обессиленные неравной борьбой люди прыгали в реку и на глазах у всех тонули, не имея ни капли мочи добраться до берега, который полыхал в огне.

А в Городище княжичи со слезами на глазах стояли на коленях перед иконой Спасителя, умоляли спасти Новгород и отвести от него новую лютую беду.

... Среди страха, страданий, как радуга после бури возникла отрада. Отец вернулся! Приехал в Новгород князь! Значит кончатся в городе все беды. Верил в это Александр и знал: новгородцы придут в себя после стольких бед. Отец, князь - настоящий владыка Новгорода. Не о себе он только волнуется, не об одном престоле. Мятеж – тот же пожар. И если ему дать разгореться, он погубит все.

В Новгороде давно полыхал невидимый для глаз пожар ненависти и злости. И понял князь: не остановишь этот пожар, сгубит он всех.

- Словить мятежников и подстрекателей! Засадить их под стражу на Городище в гриднице. Иначе они побегут к немцам, и вместе с ними будут нападать на городские земли. Захватят иноземцы город - в том - то и будет самая большая беда.

Ох, как страшно стало Александру! Неужто могут придти немцы? Захватят и разрушат святую Софию!

- Не бывать этому,- как бы услышал его мысли отец.

- Не бывать! – твердо повторил сын.

...И снова звонили софийские колокола. Князь целовал крест перед избранными горожанами. Кланялись ему и посадник, и тысячник, и бояре, и смерды, и холопы. И с радостью гудел самый главный в Новгороде колокол: снова правит князь.

С возвращением князя мятеж умирился. И сама природа как бы ожила. Пошли дожди. Начались работы в полях. Урожай пришел на нивы невиданный. Голод отступил.

* * *

Уж который год в Новгороде, как и везде на Руси, своим чередом шла мирная жизнь. И природа за ней размеренно поспевала. В след весны катилось лето, за ним кралась осень, напознала зима.

Весел ежегодный круговорот для малых, а для старых – тягостен. Отчего ж в детстве время тянется медленно, а уж в юности идет быстрее? Про то ведает каждый, кто прожил до седых волос. И из этого круга никому не удастся выбраться. Только беды тяжкие нарушают этот строй.

Нежданно – негаданно горе горькое пришло в семью князя - умер старший сын Феодор. Исподтишка болезнь коварно надломил, подточила молодые силы. Как смириться родителям со смертью чада? Строить жизнь по – иному теперь должен был князь.

- Ты мой сын, Александр, уже большой. Тебе четырнадцать лет. После смерти Феодора главная опора у меня на тебя.

Да, хотел князь Ярослав, чтобы старший сын его назывался великим князем, был главой Отечества, а младший Александр был бы удельным князем, чтобы не раздроблять великое княжество. Но Господь совершил все по – своему. Похоронили Феодора во цвете лет, всей княжеской семьей ездили в монастыри молиться за упокой его души. И теперь, после смерти Феодора, больше стал разговаривать с Александром отец:

- Ты, сын, - моя стена, главный продолжатель рода. Изучай отцовскую княжескую науку, и никто тебя не обидит. Знаешь ли ты, Александр, что крестоносцы уже захватили земли эстов? И защитники Юрьева все, до единого воина, погибли от рук крестоносцев. А теперь немецкие рыцари осмеливаются совершать набеги на новгородские земли. Ты теперь уже взрослый, будем вместе отражать врагов. Я привел в Новгород сильный полк переславских воинов. К нам присоединятся новгородские и псковские рати. Мы с тобой будем руководить войском, пойдем в поход против рыцарей – меченосцев. Ты готов?

- Я пойду с тобой, отец, на любую рать!

Слово отца для Александра – закон – это будет его первый бой. Много он читал книг о разных сражениях. Знал, что у итальянцев щиты были овальные, у испанцев - квадратные, у французов – четырехугольные, заостренные. И у всех свои гербы - разных цветов и рисунков. У каждого народа была своя доблесть, свое искусство. А в бою побеждает только тот, за кого стоит Бог. Об этом княжичу говорил всегда и отец, и матушка, и свое сердце.

* * *

Александр примерял рубаху из 12 тысяч колец, кольчужные чулки, шлем - шишак. И копьё, и меч было сделано для него по росту. Все ему было впору. Но отец проверял, а готово ли его сердце к бою?

- Ну - ка, расскажи, Александр, каким должен быть добрый витязь?

- Он должен заботиться прежде о войске. Князь должен кинуть такой боевой клич, чтоб все его услышали.

- А какой клич надобно князю кричать?

- За Новгород! За Русь постоим!

-Верно, княжич, понимаешь. В голосе княжеском надобно силу передать всем дружинникам, чтоб они сразу же отозвались сердцем на него, как на зов серебряной трубы. Нужно, чтобы враги бежали бы перед князем, нужно, чтобы он смог всегда укрепить свое войско, и не дать врагу переправу. Надо заранее узнать тайные броды. А в запасе иметь отборные тайные дружины, свежий запасной полк... А ну-ка, княжич, растолкуй, где место князя русского, когда великая сеча идет. Трубы трубят, мечи стучат, люди кричат и вопят, кони ржут. Где князю быть незорно и безопасно?

Александр долго смотрел перед собой вдаль, будто видел эту будущую сечу, которой они будут руководить с отцом.

Мечи бьют нещадно, секиры не устают, кровь льется беспрерывно. Смешалось все – и кони, и люди. На одной стороне враги одолевают, они в латах с головы до ног. Кони их ярые топчут наших дружинников. На другой стороне бьют – секут нещадно наши воины поганых врагов. А одна сторона дружинников ослабела, а другая может придти на помощь ей. Князь должен наблюдать за боем. Как разгорится бой, нашу сторону свежей силой запасных дружинников подправить.

- Нужно, чтоб князь всегда правил боем, чтоб всю битву в любой момент видел, как на ладони. Где враги одолевают, туда помощь бросать, за зря не подставлять голову под секиру. Врагам того только и надобно. Князь – голова всей рати. А без головы как победить врага?

- Молодец, сынок, умная и разумная у тебя головушка. Только надумал я тебе растолковывать, а ты уже все размыслил. Ну, теперь я вижу, ты готов к сражению.

А готов ли княжич был к первому своему бою?

Что если он погибнет в битве? Разве должен он бояться этого? Воскрес Спаситель наш и мертвых воскресил. Владыка Арсений учил: смерть за Отчину нужно принимать с радостью. А за смертью будет воскресение. И вспоминались Александру радостные Пасхальные дни, ликующие возгласы « Христос воскресе », сырная Пасха, расписные яйца. В то радостные время сердце так веселилось, будто и в самом деле оно только в эти дни воскресало для настоящей радости.

Ночью Александр молился на коленях перед иконой Спасителя так горячо, как никогда. Слова мольбы неудержимо рвались из сердца. Просил княжич Бога, чтоб помог Он русским воинам в борьбе с супостатами, ну а тех, кто сложит голову за Отчину, принял бы в райские обители:

- Господи, защити, пощади, не дай поругаться над Русью врагам!

В эту ночь за победу молилось все русское войско. Все просили защиту и помощь свыше. Каждый ждал, что завтрашний день для него может стать последним.

...Войско Ярослава выстроилось крепко. Перед передней частью, которую называли челом, стали лучники. У них были раза в два большие, чем обычные луки, с тетивой около двух метров. На челе стояла и ополченская пехота. А с двух сторон на крыльях, флангах, была конница.

Князь был на взгорье на белом коне со знаменем. На таком же коне, белом, в изузоренной сбруе, был и княжич в доспехах.

- Нам надо нанести удар по врагу с тыла и с флангов, - сказал Ярослав сыну.

Впереди темной тучей стояли недвижно вражеские меченосцы, закованные в блестящие доспехи. Александра внезапно охватил жуткий страх, будто стена необоримая наплывала на него. А вид отца был твердым, но грозным. Не пугала, видно, его даже сама смерть. Был ли кто на этом поле храбрее князя? И вдруг смелость отца передалась и сыну. Ему даже захотелось крикнуть громко - громко « Христос воскресе!» И тут княжич

понял: Сам Христос Спаситель защищает их правду. И вновь Александр ощутил такой прилив отваги! Нет, теперь он ничего не боялся. Он жизнь свою готов был отдать за Русь, за отца, за матушку, за Новгород.

- Господи, помоги! – воскликнул князь.

Зазвучали трубы. Голос князя грянул, как боевая серебряная труба:

- За Русь, за веру православную в бой!

Изготовились наши лучники. Прянули стрелы с тугой тетивы. Бросились на них рыцари, но стали падать, как подкошенные снопы. Сразу же завязался яростный бой. Застучали мечи, загремели секиры. Отовсюду неслись крики раненых, вопли, ржанье коней.

Александр вместе с отцом рванулся в гущу боя, держа наизготове меч.

Мощь русского войска сразу же напугала врага. Под напором конницы немцы вначале отступали, а потом вдруг схватились, обернулись вспять и побежали туда, куда их теснили русские – к реке.

- Гоните их к реке! – кричал князь. – Гоните к реке!

Александр скакал в след отцу, не отставая, и мечом своим он бил по латам. От его ударов несколько вражеских всадников упали с коней. Только бы самому удержаться в седле! Получал удары и Александр, но они не сбивали его, словно сила неведомая охраняла княжича, и давала ему мощь и усиливала отвагу. Вперед, только вперед! Вот-вот, и русичи врежутся в самую гущу

вражеского войска. И тогда начнется настоящая сеча. Русское войско валом катило на врага. Испугались супостаты верной гибели, бросились бежать.

- Гоните! Гоните врага! – громко кричал князь. Голос его заглушал звон мечей. Но дружинники все слышали княжий приказ, с еще большим напором кинулись на врага.

У реки рыцари замешкались. Русская железная рать их настигла. Задние ряды меченосцев надавили на передние, столкнув их на лед. Рыцари в панике кинулись на лед, немного пробежали. Вдруг лед затрещал и стал проваливаться. Рыцари в доспехах оказались в воде.

Лед трещал и там, и тут. Льдины ломались, крошились. Вот уже часть вражеского войска оказалась в ледяной воде. Меченосцы беспомощно барахтались в ней и шли ко дну. Одни пытались уцепиться за льдины, но они ломались, рыцари с воплями, с лающим бульканьем шли ко дну.

Не прошло и получаса, как почти все вражеское войско оказалось на дне.

- Победа! – закричал русский князь.

- Победа! – ответила ему тысяча голосов русских воинов. И среди них был звонкий крепкий голос княжича Александра, будущего победителя рыцарей на Чудском озере. Он верил, что русское войско всегда будет бить врага на родной земле.

...Выехал княжич Александр на белом коне в чисто поле, укрытое белоснежным покровом.

Остановил коня. Загляделся вдаль. Велики, необозримы просторы. Куда ни глянь, везде русская земля. И возвеселилось сердце Александра: что за счастье великое на земле – любить свою Родину и служить ей. Будет его сердце еще и рыдать от тех бед, что выпадут родной земле.

Но это поджидает впереди. А пока он радовался, что будет верным слугой своей Руси, продолжателем славы отцов.

- Господи, помоги мне стать защитником Руси и быть верным Твоим рабом!

Сквозь затянутую серую пелену на небесном покрове неожиданно прорвался солнечный луч.

И о чудо, все вокруг озарилось нежным серебристым светом. Александр понял это как знамение Божьей Любви. И вновь возрадовался Ее благодати, которая охраняет весь мир.

